

Дверь комнаты 612 бесшумно закрылась, отсекая случайные шаги в коридоре и далекий шум тренировочной площадки.

В помещении царил полумрак, лишь отсветы вечерних неоновых огней Цзянчэна пробивались сквозь щели жалюзи, ложась на пол пестрыми полосами. Воздух пропитался странным запахом — смесью свежести трав и ледяного холода. Источником этого аромата был стоящий на столе... весьма причудливый алхимический котел. На деле это был обычный электрический термopot, позаимствованный для нужд общежития.

Крышка была приоткрыта, и из нее тонкими струйками вырывался видимый глазу холодный пар с призрачным синеватым отливом, а на поверхности корпуса проступил тонкий слой инея.

Цзян Янь сидел у стола, сосредоточенно глядя в черновик, лежащий рядом с нагревателем. На бумаге крайне неразборчивым почерком были набросаны искаженные руны и схемы узлов энергии. Его длинные пальцы удерживали крошечный полупрозрачный фрагмент листа, только что отделенный от травы Холодного Мозга. Под воздействием слабого мороза, исходящего от его пальцев, лист медленно источал мельчайшие крупички вещества, похожего на искрящийся ледяной порошок.

— М-да, — донесся до него голос Лу Чэня, в котором сквозило легкое пренебрежение. Он развалился на стуле, словно важный господин, и вертел в руках найденную в Тайном царстве маленькую, покрытую патиной печать Титула Божества Земли. Его золотистые глаза искоса наблюдали за дымящимся котелком. — Великий Император Фэнду — и варит пилули в такой дряни? Если девять преисподних узнают, тамошние старые призраки животы надорвут от смеха.

Кончик его пальца вспыхнул крошечной золотой искрой, которая с хирургической точностью ударила по выключателю нагревателя, убавляя температуру на одно деление.

Цзян Янь даже не поднял головы, продолжая следить за ледяной пылью, и ответил холодно и отстраненно:

— Это все же лучше, чем быть тем, кто даже с обычным котлом управиться не может.

Он намекал на недавний подвиг Лу Чэня, который во время сбора трав в Тайном царстве чуть не превратил в уголь нежный цветок Конденсированной Росы, случайно ударив по нему молнией.

Лу Чэнь подавился словами, его золотистые глаза опасно сузились, но он тут же хмыкнул и решил не развивать эту тему. Он подбросил в руке маленькую медную печать, ощущая исходящее от нее едва уловимое, почти призрачное тепло остаточных людских молитв.

— Вещь, конечно, грубоватая, — он щелкнул пальцем по меди, издав глухой звук, — но ход мыслей верный.

Цзян Янь наконец поднял взгляд. Его фиолетовые глаза переместились с печати на драгоценную эссенцию травы Холодного Мозга у него на пальцах.

— На безрыбье и рак рыба, — кратко отозвался он. Это относилось и к недоделанным пилюлям низкого качества, что варились в котле, и к печати в руке Лу Чэня. — По крайней мере, это экономит время на медитации и дыхательных практиках.

Он осторожно ссыпал ледяной порошок в щель под крышкой. Аромат стал гуще, иней на стенках котла сделался толще, а внутри можно было разглядеть несколько вязких комков разного цвета, медленно сливающихся в ледяном тумане.

Взгляд Лу Чэня переметнулся с печати на этот современный алхимический котел, и в глубине его золотых глаз промелькнуло серьезное выражение. Хотя внешне это варево выглядело жалко по сравнению с Золотыми Ядрами из дворца Доулун в прошлой жизни, содержащаяся в нем чистая энергия холода и жизненная сила трав были для него и Цзян Яня, чьи духовные основы напоминали пересохшее русло реки, настоящим спасением. Даже крошечная частица божественной силы Небесного императора внутри него отчетливо тянулась к этой смеси.

— Восстановление божественной силы — это первый шаг, — голос Лу Чэня стал низким, в нем прозвучало спокойствие человека, привыкшего видеть картину целиком. — Но одной этой дряни не хватит, чтобы заполнить наши бездонные ямы. Это капля в море.

Он отложил печать, подался вперед, уперся локтями в стол и посмотрел прямо в глаза Цзян Яню:

— Небеса рухнули, подземный мир тоже. В этом корень проблемы.

Цзян Янь закрыл крышку, окончательно изолировав холод. Он откинулся на спинку стула, и в его фиолетовых глазах отразились огни ночного города — глубокие и холодные.

— Боги и бессмертные... либо переродились, либо стерты в порошок. Искать негде.

Его голос был лишен эмоций, он лишь констатировал ледяную реальность. Та битва была слишком жестокой, фундамент Трех Миров рухнул, порядок был уничтожен. Бывшие соратники, подчиненные и даже враги — неизвестно, живы ли они, где рассеяны. Слепые поиски равносильны поиску иголки в стоге сена, к тому же это слишком опасно.

— Поэтому, — Лу Чэнь перехватил инициативу, постукивая пальцами по столу, — вместо того чтобы искать тех великих личностей, чье местонахождение неизвестно, лучше... — он снова посмотрел на маленькую медную печать, — начать с самого фундамента. Кирпичик за кирпичиком, выстраивать все заново.

Фиолетовые глаза Цзян Яня внезапно стали острыми, как ледяные звезды, он впился взглядом

в Лу Чэня:

— Ты хочешь сказать...

— Земля, — Лу Чэнь произнес это слово с весомой прямоотой. — Божества гор, земли, городских стен. Эти мельчайшие божества кажутся незначительными, но именно они — основа, связывающая людской мир, упорядочивающая земные жилы и укрепляющая эти земли. Они подчиняются и Небесам, и подземному миру, живут на подаяния и управляют жизнью в своих пределах. Небеса и преисподняя могут быть разрушены, но фундамент человеческого мира — горы, реки, города, деревни, жизнь и смерть — все еще существует. Правила их божественных титулов основаны на законах этого мира. Теоретически... пока законы окончательно не рухнули, а титулы пустуют, их можно даровать заново.

В комнате воцарилась тишина. Слышалось лишь тихое гудение нагревателя да далекий городской шум.

— Для дарования титула... нужна власть.

Голос Цзян Яня холодно указал на главное препятствие. Возведение в божественный сан — не детская забава. Для этого требуется признание высшего Пути Неба или законов Юомина. А они сейчас настолько слабы, что чем им подтверждать свои слова?

— Власть... — в золотых глазах Лу Чэня промелькнул глубокий свет. Он раскрыл ладонь, на которой лежала печать. — Эта печать — ключ. Она впитала людские молитвы и частицу божественности. А главное, — он поднял глаза на Цзян Яня, — ты и я все еще существуем.

Цзян Янь слегка прищурился.

— Ты управляешь перерождением в Юомине, даже если сам мир разрушен, твое понимание законов смерти и темной земли осталось. Я правил порядком, и моя печать власти над Путем Неба не стерлась до конца, — голос Лу Чэня звучал почти гипнотически. — Нам не хватает силы, но не знаний. Эта печать, пропитанная аурой старых богов, в сочетании с нашими остаточными божественными искрами, возможно... будет достаточным рычагом, чтобы сдвинуть законы мироздания и зажечь пустую оболочку даже самого ничтожного божества земли!

Он сделал паузу, и в его глазах вспыхнула решимость Небесного императора:

— Если удастся возвести хотя бы одного, пусть даже самого слабого, это докажет жизнеспособность пути! Он станет нашим узлом, якорем для восстановления сил! Когда таких якорей станет много, они покроют весь мир, упорядочат земные жилы, соберут крупницы веры... быть может, это позволит понемногу залатать трещины в законах и вновь почувствовать переродившихся бессмертных! А в конечном итоге... — он посмотрел в ночное небо, — заложить фундамент для воссоздания Небес и преисподней!

Цзян Янь молчал. Он опустил взгляд, длинные ресницы отбрасывали тень на лицо, скрывая ход мыслей. План Лу Чэня был дерзким, безумным, но... логичным. Начать с малого, использовать время и накопления, чтобы компенсировать нехватку мощи. На данный момент это был самый надежный и осуществимый путь. Восстановление Трех Миров — дело не одного дня, им нужно терпение и правильная точка отсчета.

— Кандидаты, — спустя долгое время произнес Цзян Янь, его голос вновь стал холодным и бесстрастным. — Пусть божество земли ничтожно, оно управляет вверенной территорией и благополучием людей. Не всякий сброд подойдет.

Он посмотрел на Лу Чэня, взгляд его был острым, как клинок:

— Добродетель? Заслуги? Или... будем выбирать того, кто больше нравится?

Вопрос бил в самую точку. Кого возводить? Каковы стандарты? Неподходящее божество не только не упорядочит жилы, но и станет бедствием.

Лу Чэнь перестал выглядеть таким вызывающим, в его глазах появилось раздумье. Он потерял шероховатую поверхность печати:

— Добродетель — основа. У того, кто лишен ее, даже при наличии божественной силы, нет корней. Заслуги... в нынешнем мире, где духовная энергия возрождается лишь сотню лет, царит хаос, и сохранить чистоту помыслов — уже подвиг, о каких великих свершениях говорить? — он сделал паузу, и в его глазах промелькнул холодный блеск. — Возможно... стоит смотреть на судьбу и предназначение.

— Судьба? — Цзян Янь приподнял бровь.

— Да, — кивнул Лу Чэнь. — Титул божества земли неразрывно связан с территорией. Возможно, земля должна выбрать сама. Старейшина, что поколениями оберегал эти места и пользуется доверием народа? Или человек, защитивший людей во время катастрофы, чья совесть чиста? Или... — в его глазах блеснул загадочный свет, — те, кто обладает особой судьбой и врожденной близостью к духовной энергии земли?

Он посмотрел на Цзян Яня:

— Ты правишь Юомином, тебе лучше всех видны причинно-следственные связи и карма. Тебе и решать, кто достоин по своей добродетели и карме. А я... — на кончике его пальца вспыхнула золотая молния, несущая величие Небес, — буду отвечать за дарование указа от имени Небесного императора, зажгу священный огонь и восстановлю правила титула. Вместе мы справимся.

Разделение обязанностей было четким. Цзян Янь отвечал за отбор и суд, Лу Чэнь — за

коронацию и активацию. Один контролировал вход, другой наделял властью.

Цзян Янь не ответил сразу. Он опустил взгляд, словно взвешивая что-то. Неоновые отсветы с улицы скользили по его холодному бледному лицу. Спустя несколько секунд он медленно произнес, и в его голосе прозвучала решимость:

— Хорошо.

Он поднялся, подошел к окну и, стоя спиной к Лу Чэню, посмотрел на огромный город, который за сотню лет возрождения духовной энергии изменился до неузнаваемости, но продолжал упорно вращаться в хаосе неоновых огней. Тысячи огней Цзянчэна в ночи напоминали рассыпанные по земле звезды.

— Первая цель, — голос Цзян Яня, доносящийся сквозь стекло, казался далеким и твердым, — будет здесь.

Лу Чэнь смотрел на прямую, одинокую спину Цзян Яня, и в его глазах промелькнул сложный свет. Он взял со стола маленькую медную печать, ощущая ее шероховатость и холод.

— Значит, Цзянчэн... — прошептал он, и уголки его губ слегка дрогнули в улыбке, скрывающей безграничные амбиции. — Что ж, начнем отсюда.

В комнате термопот издал тихий сигнал: процесс завершен. В воздухе разлился густой аромат, в котором смешались свежесть трав, холод и... едва уловимый запах гари.

Цзян Янь обернулся, мельком взглянул на котел, и его брови едва заметно дрогнули. Лу Чэнь, вернувшись к своему вальяжному состоянию, подошел и небрежно открыл крышку. На дне лежали несколько пилюль размером с голубиное яйцо, пестрых, с неровной поверхностью и следами подозрительного черного нагара.

— ...И это наши пилюли низкого качества? — выражение лица Лу Чэня было трудно описать.

Цзян Янь без эмоций подошел, взял одну пилюлю специальным нефритовым пинцетом и поднес к глазам. В его фиолетовых глазах не было ни гнева, ни радости, лишь чистая оценка:

— Энергетическая слитность... едва проходит. Примесей... слишком много. Эффективность... ожидается менее тридцати процентов от планируемой.

Лу Чэнь взял одну, взвесил на ладони, чувствуя слабую, спутанную энергию, и вздохнул:

— На безрыбье сойдет, лучше, чем жевать траву в сухомятку.

Он закинул пилюлю в рот, как конфету, прожевал, и его красивое лицо мгновенно исказилось:

— ...Фу! Горькая, терпкая, да еще и гарью отдает! Цзян Янь, ты не пилюли варишь, а создаешь место преступления!

Цзян Янь холодно взглянул на него, взял другую пилюлю и, не меняясь в лице, отправил ее в рот. Движения его были изящны, как будто он пробовал деликатес, хотя при глотании его кадык заметно дернулся.

Он отложил пинцет и холодно бросил:

— Заткнись и ешь.

<http://bllate.org/book/18859/1839905>